

ет его фигуру с выбором в пользу многонациональности. Некоторая доля амбивалентности в обществе по этому вопросу все же присутствует. Опасность состоит в том, что как в окружении президента, так и среди оппозиционеров, воспитанных Америкой, есть много политиков, готовых играть на этом опасном поле. Выдвигались даже предложения сделать казахский язык единственным официальным. А ведь Казахстан уникален именно своей национальной разнородностью. Думаю, именно это следует считать истинной ценностью государства, а отнюдь не нефтяные богатства.

В последнее время существенно замедлились темпы эмиграции, но многие национальные меньшинства до сих пор чувствуют себя не вполне уверенно. Представляется, что окончательное решение этой проблемы позволит стране вступить на путь экономического процветания. Конечно, это не просто в государстве, население которого неуклонно растет и составляет уже более 15 млн. человек. Ситуацию осложняет и то, что Казахстан граничит с Китаем, население которого уже превысило миллиард, и среднеазиатскими республиками, будущее которых трудно прогнозируемо.

Я искренне люблю Казахстан и надеюсь, что казахстанцы сумеют преодолеть призраки национализма и сепаратизма, и эта страна станет воплощением лучшей традиции геополитических образований на евразийском континенте – терпимости к другим религиям и народам. Естественно, многое зависит и от России, которая, на мой взгляд, в целом не уделяет достаточно внимания южному направлению своей внешней политики. Москве не хватает инициативы, и это не самая конструктивная опора для развития сотрудничества, укрепления интеграционных тенденций и усиления роли казахстанских деловых кругов и политических групп в общем пространстве ЕврАзЭС. Нельзя забывать, судьбы России и Казахстана настолько сильно переплетены, что теперь уже связаны навсегда.

«Евразия сегодня», М., 2005 г., № 4, с. 38–40.

О МАЙСКИХ СОБЫТИЯХ В УЗБЕКИСТАНЕ

Елена Шестернина, журналистка: Ответственность за события в Андижане взяла на себя религиозная группировка «Акромия». Она была основана в середине 90-х бывшим членом исламистской организации «Хизб ут-Тахрир» Акромом Юлдашевым. Свою идеологию

он обозначил в сочинении «Иймонга йул» («Путь к истинной вере») – труде, до сих пор нигде не опубликованном. Главная идея – создание в Узбекистане исламского государства. Бороться допустимо и «насильственными методами». При этом «завоевание власти надо начинать не на национальном, а на местном уровне». Возможно, Андижан стал первым «пробным шаром». Сам Юлдашев уже восемь лет сидит в тюрьме за свою «просветительскую» деятельность. В первый раз Юлдашева посадили весной 1998 г. за хранение наркотиков, затем освободили по амнистии. После взрывов в феврале 1999 г. в Ташкенте вновь арестовали – уже по статье «Терроризм». В том же, 1999 г., по различным обвинениям были осуждены еще 22 человека. Двое из них умерли во время заключения – как утверждают сторонники Юлдашева, «от пыток». Остальные, кроме Юлдашева, уже выпущены. Среди сторонников Юлдашева много предпринимателей. Как говорят «акромисты», учение их лидера не исключает финансового процветания. Если оно, разумеется, «не идет во вред духовному развитию и изучению ислама».

Власти заявляют: организаторы нападения на Андижан известны пофамильно. «Они представляют одно из течений “Хизб ут-Тахрир”, в Андижане их называют “Акромия”. Их задача – свержение существующего конституционного строя», – заявил президент Ислам Каримов. Однако упоминание в связи с андижанскими событиями «Хизб ут-Тахрир» – вопрос спорный. Практически сразу после президентского заявления последовало опровержение самой «Хизб ут-Тахрир», конкретно – ее представителя в Лондоне Имрана Вахида, заявившего, что его организация к происходящему отношения не имеет. Отрицают свою связь с «Хизб ут-Тахрир» и «акромисты». На «Хизб ут-Тахрир» узбекские власти возлагают ответственность практически за все теракты, происходившие в стране в последние годы. В том числе за взрывы в Ташкенте и Бухаре в апреле и мае 2004 г. (тогда в общей сложности погибли 47 человек). По делу были задержаны 85 человек. Ответом на аресты стали новые теракты, организованные смертниками: в июле прошлого года у посольств США и Израиля и здания Генпрокуратуры в Ташкенте. Погибли четыре человека. Вновь серия арестов. И вновь официальная версия сводилась к тому, что за взрывами стоит «Хизб ут-Тахрир». Неофициальная версия была другой. Сразу на нескольких исламистских сайтах было размещено сообщение, подписанное «Исламским движением Узбекистана» – группировкой, тесно связанной с «Аль-Каидой». Правда, была еще

одна, третья, версия: за взрывами стоит движение «Джамаат». И все же главной мишенью узбекских властей оставалась «Хизб ут-Тахрир». В конце 2004 г. аресты ее членов докатились до России. В Московской, Тюменской областях, Татарстане, Башкирии и Удмуртии были задержаны несколько человек. Все они находились в международном розыске и обвинялись в террористической деятельности. «Хизб ут-Тахрир» впервые заявила о себе в Средней Азии в середине 90-х. По некоторым данным, число ее сторонников превышает 10 тыс. человек. Организация — по сути, местное отделение движения «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (Исламская партия освобождения), основанного в 50-х годах в Иордании. На сегодняшний день сеть распространяется на некоторые европейские страны и Индонезию. Помощь «среднеазиатской ячейке» идет из-за границы — в частности, из Великобритании и Египта. Деятельность организации запрещена в Германии, большинстве стран Ближнего Востока и России. «Хизб ут-Тахрир» провозглашает себя «политической партией, идеологией которой является ислам». Цель — «содействовать возвращению мусульман к исламскому образу жизни, основанному на нормах шариата». А также «распространение мусульманской веры в мире, в том числе путем джихада». Достижение этих задач возможно только в одном случае — после создания единого халифата и «полного освобождения от господства неверных».

* * *

Андижан находится в одной из самых «болевых точек» Средней Азии — Ферганской долине. В последние годы именно здесь происходили наиболее кровопролитные конфликты в регионе. Летом 1989 г. в узбекской части долины (помимо Узбекистана в долину входит часть территорий Киргизии и Таджикистана) начались столкновения между узбеками и турками-месхетинцами, депортированными из Грузии во времена сталинских репрессий. В результате погромов около 100 человек были убиты, более 1000 — ранены. И это только по официальным данным. Конфликт, начавшийся в Фергане, в течение нескольких дней перекинулся на соседние Наманган и Андижан. Полностью урегулировать ситуацию удалось только после того, как практически все турецкие семьи были вывезены с территории Узбекистана.

1990 г. – в результате столкновений между узбеками и киргизами в городах Узгень и Ош (киргизская часть долины) погибли около 300 человек.

1996–1998 гг. – в городе Худжент (бывший Ленинабад) (таджикский сектор долины) произошла серия бунтов, закончившаяся попыткой военного переворота. В апреле 1997 г. в Худженте был совершен теракт, направленный против президента Таджикистана Эмомали Рахмонова. Сам он и еще 70 человек были ранены. В ноябре 1998 г. с территории Узбекистана в Худжент вошли «повстанцы» под руководством узбекского полевого командира Худайбердыева. В город были введены войска.

1999–2001 гг. – серия нападений вооруженных группировок Исламского движения Узбекистана (ИДУ) на территорию Киргизии. В 2001 г. Таджикистан выдворил бойцов ИДУ с территории Каратегинской долины, где они базировались в течение нескольких лет.

Армия Узбекистана

После распада СССР Узбекистан оказался единственной из центральноазиатских республик, которая сохранила боеспособные Вооруженные силы. Доставшийся Ташкенту в наследство от СССР Туркестанский военный округ имел опыт десятилетней войны в Афганистане и по советским меркам был неплохо вооружен и укомплектован. Это позволило Узбекистану сформировать самую мощную в регионе 65-тысячную армию. На вооружении сухопутных войск 350 танков (еще около 2 тыс. находятся на базах хранения), более 500 БМП и БТР, около 100 реактивных установок залпового огня, свыше 300 артиллерийских орудий. Военно-воздушные силы включают в себя бомбардировочную (два полка штурмовиков Су-25 и фронтовых бомбардировщиков Су-24), истребительную (два полка истребителей Су-27 и МиГ-29) и десантно-штурмовую авиацию (полк ударных вертолетов Ми-24 и транспортных Ми-8 и Ми-26). Узбекской армии уже приходилось принимать участие в реальных боевых действиях в ходе гражданской войны в соседнем Таджикистане (1992–1994), во время боев в таджикском приграничье (1997–1998) и во время Баткенских событий в Киргизии (2000–2001). Проводящаяся в Узбекистане военная реформа направлена на создание полностью профессиональной армии. Срок службы призывников в 2002 г. снижен вдвое (до 12 месяцев). На финансирование оборонных статей бюджета

ежегодно тратится около 200 млн. долл. Кроме того, Ташкент получает значительную военную помощь от США (в 2004 г. американцы выделили на эти цели около 12 млн. долл.). В состав Вооруженных сил Узбекистана входят пять военных округов. Андижан находится на территории Восточного ВО, командование которого находится в Фергане.

* * *

Сергей Черешнев, журналист: События в Узбекистане среди прочих имеют очевидные экономические причины. Официальная статистика Узбекистана говорит об устойчивом росте доходов населения – в среднем не меньше 10% в год. Однако оценки международных институтов и оппозиционных организаций намного мрачнее. В городах Узбекистана уровень доходов ниже размеров минимальной потребительской корзины почти втрое, а в сельской местности – в восемь раз. Зарплаты крестьян, по некоторым данным, не превышают 5–10 долл. в месяц, в то время как труд на хлопковых плантациях организован по принципам рабовладения. К тому же в Ферганской долине, где начались нынешние беспорядки, самые высокие в СНГ темпы роста населения.

В экономике Узбекистана данные государственных структур расходятся со статистикой оппозиционеров как небо и земля. В этом случае нельзя найти даже золотую середину. Между тем ряд проблем не могут не признать и официальные власти. Темпы роста рождаемости в стране одни из самых высоких в мире – 2% в год (около 500 тыс. человек в год, при общем населении Узбекистана около 24,5 млн. человек). При этом уровень доходов населения, по оценке экспертов оппозиционного сайта «Фергана», почти у всех категорий населения ниже прожиточного минимума. По данным узбекского правозащитника М.Захидова, размер потребительской корзины в Узбекистане в последние годы колеблется на уровне 250–300 тыс. сумов (250–300 долл.). Зарплата трудоспособного населения в городах редко превышает 100 тыс. сумов (100 долл.), а в сельской местности и того меньше – 40 тыс. сумов. И хотя даже оппозиционные лидеры признают статистические данные власти о ежегодном росте доходов населения, они считают его недостаточным для выхода 90% населения из состояния ниже черты бедности. По официальным данным, в 2004 г. доходы населения выросли на 13,5%. И такой рост реальных доходов не может изменить ситуацию кардинально.

В Ферганской долине проблемы намного острее. В регионе проживает более трети населения страны. Еще в советское время (в начале 90-х) там вспыхивали беспорядки на почве низкого уровня жизни. Но экономические корни нынешнего кризиса в Ферганской долине намного глубже. В регионе, как и во всем Узбекистане, остро стоит вопрос о собственности на землю. Но земельная реформа как таковая в стране еще не начиналась. Институт аренды земли связан с огромным количеством ограничений. Кроме того, жесткая вертикаль власти навязывает регионам жесткие задания по выращиванию определенных культур, например хлопка. И местные власти обязаны их выполнять. Значительно быстрее доходов населения растут энерготарифы. По данным оппозиционеров, только в 2004 г. они выросли в пять раз. Официальная статистика говорит только о 20%-ном росте. Но это все равно выше темпов роста и зарплат, и ВВП Узбекистана (7,7% в год). Между тем рост энерготарифов тянет за собой и рост цен на все услуги.

* * *

Алексей Баусин, журналист: Ислам Абдуганиевич Каримов начинал свою трудовую деятельность помощником мастера на Ташкентском заводе сельскохозяйственного машиностроения. А сейчас Ислам Каримов – президент самой многонаселенной республики Средне-Азиатского региона. Родился нынешний президент Узбекистана в Самарканде, получил диплом инженера-механика, а потом и экономиста. Ислам Каримов – доктор экономических наук и действительный член Академии наук Узбекистана. Не менее динамичной была и его карьера в советских госпартструктурах. В его послужном списке – руководство Министерством финансов республики, а свою партийную карьеру Ислам Абдуганиевич завершил в должности первого секретаря ЦК компартии Узбекистана и члена Политбюро ЦК КПСС.

В декабре 1991 г. на первых всенародных выборах Ислам Каримов избирается Президентом Республики Узбекистан, получив 86% голосов. Вся дальнейшая политическая история Узбекистана – это история укрепления власти президента и преследования оппозиции под лозунгами борьбы с исламскими радикалами. В 1995 г. в Узбекистане состоялся референдум, на котором срок президентских полномочий был продлен до 2000 г. На выборах в 2000 г. Каримов получил 91,9% голосов, а единственный представитель оппозиции, по его же

словам, принимал участие в этих выборах «лишь для того, чтобы создать видимость демократии». В январе 2002 г. в Узбекистане состоялся очередной референдум — на этот раз граждане республики поддержали идею об увеличении срока президентских полномочий с 5 до 7 лет. Таким образом, очередные президентские выборы состоятся не в этом году, как должно было быть, а в 2007 г. По мнению международных обозревателей, проведение этого референдума «не отвечало демократическим нормам». Такую же нелюбимую оценку дали иностранные эксперты и парламентским выборам, состоявшимся в 2004 г.

На протяжении всей истории постсоветского Узбекистана либеральные реформы в экономике сопровождались ограничением политических свобод. Власть так аргументировала свою позицию: в переходный период стране нужна стабильность, а в качестве отрицательного примера приводила гражданскую войну в соседнем Таджикистане. С подобной логикой соглашались многие узбекские граждане. Итог — те немногие оппозиционные партии, что были созданы при одобрении властей, реального веса в обществе не имеют. Большинство средств массовой информации находится также под контролем государства. А оппозиционеры, представляющие реальную угрозу для существующего режима, периодически оказываются за решеткой. Особое внимание Каримов и его окружение уделяют исламистам. По данным западных правозащитников, примерно 6 тыс. подозреваемых в принадлежности к экстремистским исламским группировкам находятся сейчас в узбекских тюрьмах.

Еще при советской власти особая роль в узбекском обществе принадлежала различным кланам — самаркандско-бухарскому, ташкентскому, ферганскому и т.п. Сам Ислам Каримов пришел к власти при поддержке самаркандского клана, хотя и не был его лидером. Сейчас же Каримов — ключевая фигура узбекской политики. И в этой связи эксперты замечают: президент делает все, чтобы ослабить клановое влияние на политические процессы в Узбекистане, и при выборе соратников уже руководствуется отнюдь не их клановой принадлежностью, а степенью личной преданности. Таким образом, полагают аналитики, вокруг президента формируется свой «ближний круг», в который входят специалисты и бизнесмены, обязанные своим карьерным ростом или же финансовым успехом именно нынешнему узбекскому лидеру. В их числе — глава узбекского МИД Элер Ганиев, кадровый сотрудник спецслужб, возглавлявший ранее Агентство по внешнеэкономическим связям. Некоторые эксперты

прочат его чуть ли не в преемники Ислама Каримова. Кстати, борьба с клановостью в политике, которую ведет отец, не помешала дочери Ислама Каримова, Гюльнаре, выстроить свою бизнес-империю. Получив гарвардский диплом, дочь президента стала владелицей ночных клубов и ресторанов, туристического агентства, цементного завода и компании мобильной связи.

* * *

Максим Юсин, журналист: При подавлении мятежа в Андижане режим Ислама Каримова проявил все свои авторитарные черты. Из восставшего города первым делом удалили иностранных журналистов. Вся информация тщательно контролируется и дозируется властями. В Ташкенте прекращено вещание зарубежных телеканалов, в том числе российских. Уже всем в мире ясно, что счет жертвам идет на сотни, а официальные власти упорно продолжают твердить о «десяти погибших». Все это очень узнаваемо. Очень неприглядно. Очень по-советски. Трудно не согласиться с утверждениями узбекских оппозиционеров, что причины восстания — «диктатура каримовского клана», «подавление свобод», «тотальное обнищание населения». При этом международная реакция на узбекские события на первый взгляд может показаться парадоксальной. Ни Россия, ни Запад (на официальном уровне — отдельные правозащитники не в счет) не спешат осуждать Каримова и его спецслужбы, не заявляют о поддержке «восставшего народа».

К узбекской «революции» в мире относятся совсем иначе, чем к грузинской, украинской или киргизской. И, если вдуматься, никакого парадокса в этом нет. Все дело в том, что мятеж в Андижане возглавили не светские политики, как в Тбилиси, Киеве или Бишкеке, а люди, имеющие репутацию исламистов. Люди, напоминающие не Виктора Ющенко и уж тем более не Розу Отунбаеву, а афганских или чеченских полевых командиров. Такую революцию окружающий мир боится. На эксцессы при ее подавлении он готов закрыть глаза. Победы узбекских исламистов — пусть даже «умеренных» — не хотят ни в России, ни на Западе. Авторитарный, но светский Каримов — наименьшее зло как для соседей республики, так и для Соединенных Штатов, разместивших на ее территории свои военные базы.

К 27-миллионному Узбекистану — ключевой стране Средней Азии — подходят с иными мерками, чем к остальным постсоветским государствам. Каримову Запад готов простить то, что никогда бы не

простил, к примеру, Леониду Кучме. С тем, что в Ташкенте нарушаются права человека, США, Европа и Россия готовы смириться. С тем, что Каримова сменят исламисты, пусть даже на волне «праведного народного гнева», смириться будет гораздо сложнее. Узбекистан в этом смысле логичнее сравнивать не с соседями по СНГ, а с мусульманскими странами, втянутыми — на стороне Запада — в борьбу с исламским терроризмом. Первез Мушарраф в Пакистане или Хосни Мубарак в Египте — тоже отнюдь не демократы. Но зато они — защитники светского государства, враги для «Аль-Каиды», «Братьев мусульман» и других непримиримых группировок. Если завтра Мушарраф, пусть даже ценой тысяч жертв, подавит мятеж исламистов где-нибудь в Пешаваре или Кветте, Запад едва ли станет обвинять пакистанского президента во всех грехах и рвать отношения с его режимом. Мушарраф, Мубарак и Каримов — они хотя бы предсказуемые. А кто может поручиться за «предсказуемость» их «зеленых» оппонентов? Если бы реальной альтернативой правящему в Ташкенте режиму была цивилизованная, прозападная оппозиция, возможно, и отношение в мире к Каримову было бы иным — менее снисходительным. Но, к сожалению, нет в сегодняшнем Узбекистане вменяемой оппозиции (в том числе, кстати, и по вине самого Каримова, нещадно искоренявшего любое инакомыслие). Если в стране провести честные, демократические выборы, к власти скорее всего придут «люди под зелеными знаменами». С точки зрения «чистого демократического эксперимента», все будет безукоризненно. С точки зрения геополитической стабильности, слишком опасно. Не было бы 11 сентября, бен Ладена, афганских талибов и глобальной войны с терроризмом — кто знает, возможно, западные лидеры и поддержали бы «борцов с режимом Каримова». Но сегодня — не поддержат. И в душе будут только радоваться, если «андижанский мятеж» удастся подавить в зародыше. Ну а в России будут радоваться и подавно. Нам-то уж с узбекскими исламистами наверняка не удалось бы найти общий язык.

«Известия», М., 16 мая 2005 г.

Владимир Жарихин,
заместитель директора Института стран СНГ
УЗБЕКСКИЙ УЗЕЛ

Мне кажется, что, когда по горячим следам пытались анализировать произошедшие трагические события, многие аналитики дела-